

С.В. РЫЖОВА¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

И РОССИЙСКАЯ, И ЭТНИЧЕСКАЯ: КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ СДВОЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. На основе данных всероссийского социологического опроса, проведенного Институтом социологии ФНИСЦ РАН (ИС ФНИСЦ РАН) в 2024 г. (и с привлечением данных опросов ИС ФНИСЦ РАН за 2015, 2017, 2018, 2020 гг.), изучается динамика российской и этнической идентичностей, установки этнической солидарности и этнополитической мобилизации. Исследуется консолидирующий потенциал *сдвоенной* — российско-этнической — идентичности и *инклюзивный* потенциал русской этнической идентичности, которые рассматриваются как опорные основы национального общероссийского самосознания. Под консолидирующим потенциалом идентичности понимается свойственные обладателям данной идентичности оценки, представления, эмоции, установки, выражающие «субъективные» (нередко моральные) (по А.Б. Гофману) аспекты социального единства. Используемое в статье понятие «сдвоенная идентичность» отражает эмпирически фиксируемое одновременное самоопределение респондентов как россиян и как представителей своего этнического сообщества. Отмечается, что в условиях СВО (и вхождения концепции «Русского мира» в дискурс высшего политического руководства) происходит рост русского этнического самосознания, сопровождающийся одновременным расширением инклюзивного потенциала категории «русские». Делается вывод, что позитивные модели включения этнической идентичности в процессы нациестроительства возможны через усиление инклюзивного потенциала русской этничности (восприятие «русских» как открытого и привлекательного сообщества, к которому при желании можно присоединиться) и поощрение становления сдвоенной (одновременно и российской, и этнической) идентичности. Данные исследования позволяют заключить, что сдвоенная идентичность в сравнении с преимущественно этнической идентичностью проявляет себя как более ресурсная в контексте обеспечения и поддержания социального единства. Риском для этих процессов выступают *эксклюзивная политизация* русской идентичности, претензии на доминирующую политическую роль русских в государстве, которые подвергают сомнению политическую равноправность российских народов в социальном пространстве полиэтнической России.

Ключевые слова: российская идентичность; этническая идентичность; национальное общероссийское самосознание; русские; русская этническая идентичность; сдвоенная идентичность; российско-этническая идентичность.

Для цитирования: Рыжова С.В. И российская, и этническая: консолидирующий потенциал сдвоенной идентичности // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 69–86. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.4](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.4) EDN: IFCCDD

Введение

В условиях социальных трансформаций, инициированных специальной военной операцией на Украине (СВО) и международной напряженностью, в обществе оживились дискуссии, посвященные поискам культурных и ценностных основ общероссийского единства. Российская и этническая идентичности активно вовлекаются в эти процессы, становясь идейными ориентирами для внутрироссийской консолидации; публичный политический дискурс о единой российской нации плотно насыщен этническими маркерами.

Специальная военная операция высветила ключевую характеристику российского этносоциального пространства. Россия, с одной стороны, страна многоэтническая и многокультурная, а с другой — русскоязычная, с преобладанием русского населения. Эти характеристики в постсоветский период стали неотъемлемыми и взаимодополняющими свойствами новой России. Этническая сложность и одновременно «русскость» Российской Федерации защищаются государством, закреплены в Конституции РФ.

В ходе адаптации к внешним вызовам, инициированным СВО, обновляется смысловое наполнение российской и этнической идентичностей, усложняется их структура. С одной стороны, возрастающая сложность социальных и политических условий и внешние вызовы делают их взаимодействие конкурирующим, с другой стороны, синергетическое взаимовлияние этих ведущих макроидентичностей представляет собой уникальное достояние России, выступая предпосылкой для формирования национального общероссийского самосознания.

Цель статьи — показать взаимодействие российской и этнической идентичностей как идентитарной основы национального (общероссийского) самосознания, оценить инклюзивный потенциал русской этнической идентичности как социокультурной предпосылки становления российской политической нации. Социологическое исследование нацелено на поиск текущих тенденций формирования консолидирующей идентичности в условиях российской полиэтничности в ситуации внешних вызовов.

Эмпирической базой служат данные всероссийского социологического опроса, осуществленного Институтом социологии ФНИСЦ РАН (ИС ФНИСЦ РАН) в 2024 г. методом индивидуального интервью в 22 субъектах РФ по районированной квотной выборке (N = 2000), репрезентирующей взрослое население Российской Федерации по полу, возрасту, социально-профессиональному статусу, образованию и типу населенного пункта. Привлекаются также данные мониторинговых опросов ИС ФНИСЦ РАН за 2015, 2017, 2018, 2020 гг. Единый принцип формирования выборки этих исследований обеспечивает сопоставимость данных; во всех исследованиях использовался одинаковый блок вопросов.

Концептуальные подходы к исследованию

Исследование опирается на синтезированную методологию. Используется описательно-аналитический метод, полученные эмпирические данные интерпретируются сквозь призму концепций, объясняющих процессы формирования российской идентичности в контексте текущих вызовов нациестроительства в условиях полиэтничности. Данный исследовательский дизайн ставит задачи творческого соединения концепций социальной идентичности и теорий становления политических наций. Теоретической рамкой служат подходы к изучению социальной идентичности (П. Бергер и Т. Лукман, Г. Тэджфел и Т. Тернер, М. Хогг, Э. Эриксон) и социальной консолидации (А.Б. Гофман, О.А. Кармадонов), учитываются идеи социально-культурной антропологии (В.А. Тишков, Ф. Барт, Дж. Де Вос), концепции политической нации (Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, А.И. Миллер), работы отечественных социологов (М.К. Горшков, Л.М. Дробижева, Э.А. Паин и др.), политологов (И.А. Семененко, Л.Г. Бызов и др.).

Изучение текущей российской идентичности органично вписывается в поле эмпирических и теоретических исследований, связанных с проблемами становления национальной идентичности в транзитивных политических системах [6]. Распад советского государства и сопутствующий ему кризис советской идентичности инициировали процессы поиска новой консолидирующей идентичности россиян. Несмотря на то что фаза «острой транзитивности» 1990-х гг., связанной со слабостью институтов, пересмотром объединяющих ценностей и социальной нестабильностью, успешно преодолена, Россия тем не менее находится в поиске ценностного консенсуса относительно собственной истории (преимущественно советского периода, но не только), будущего, идентичности и политической культуры. Отечественные исследователи отчетливо отмечают переходное состояние современной российской идентичности, ее противоречивое — в известной мере парадоксальное — содержание, включающее как современные, так и глубоко архаичные элементы; ее переменчивое содержание представляет собой совокупность имперских, гражданских измерений с активным участием этнонациональных идей и дискурса [7; 8]. В качестве проблем и вызовов общероссийской идентичности отмечаются ее «негативный» (становление через отторжение, а не через позитивную консолидацию) характер [3], формирование через противопоставление «внутренним другим» (например, мигрантам) [7], ее исторически наследуемая внутренняя негомогенность и противоречивость [12]. Несмотря на большой объем исследований российской идентичности, ее моделей, форм, характеристик, вопрос о ее основаниях остается открытым.

Концептуально автор статьи исходит из допущения, что российская и этнические идентичности — это социальные макроидентичности. Под консолидирующим потенциалом идентичности понимаются свойственные обладателям определенной идентичности оценки, представления, эмоции, установки, выражающие «субъективные» (нередко моральные) аспекты социального единства [2]. Этническая идентичность (как результат идентификации (отождествления) с людьми «своей национальности») и российская идентичность (как результат идентификации (отождествления) с Россией и ее гражданами) складываются путем осознания принадлежности к общности (в немалой степени воображенной, по

Б. Андерсону), эмоционально-ценностного отношения к ней, готовности действовать ради ее интересов. Эти идентичности формируются в результате социального категоризирования (распределения объектов социального мира по определенным категориям/группам) и соответствующего самокатегоризирования с последующей идентификацией с выбранной категорией/группой [14]. Тесная связь этих макро-идентичностей с эмоциями и социальными потребностями (в принадлежности, причастности к культуре, земле, судьбе, политическому выбору и т. д.) обуславливает их высокий мотивационный потенциал, который может реализовываться в различных формах социальных установок и социального действия.

Этническая идентичность отделяет «других» от «своих» на основе этнокультурных критериев, российская — категоризирует «других» и «своих» на основе в первую очередь государственно-политических, гражданских характеристик. Если понятие этнической идентичности прочно устоялось как в научном дискурсе, так и в массовом представлении как осознание принадлежности к общности людей «своей национальности» на основе языка и традиции, этнической культуры, исторической памяти, самоназвания и ряда других [11], то понятие российской идентичности находится в активном «поиске себя» [4]. Российская идентичность — относительно новое понятие, оно шире и охватывает гражданско-юридические, географические, государственные, другие измерения идентификации. Основные акторы формирования общероссийской идентичности — государство и его институты, общество. В Стратегии государственной национальной политики российская идентичность определяется как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»¹. В современных исследованиях российская идентичность рассматривается как показатель социокультурной консолидации российского общества (М.К. Горшков, Л.М. Дробизева, В.А. Тишков, К.Г. Холодковский и др.), изучаются исторические корни современной российской идентичности (А.И. Миллер, К.Г. Холодковский и др.) и роль политики памяти в ее формировании (О.Ю. Малинова, В.В. Титов и др.), анализируются соответствующие риски, порожденные традиционными особенностями отечественной культуры (И. Яковенко). Российская идентичность рассматривается как политическая идентичность, обеспечивающая связь между государством и нацией (И.С. Семененко, В.В. Лапкин, А.Л. Бардин, В.И. Пантин, В.С. Малахов, О.Ю. Малинова, С.П. Перегудов и др.), как гражданская идентичность, формируемая на основе гражданского сознания и влияния институтов гражданского общества (Э.А. Паин, С.Ю. Федюнин, Б.В. Дубин, Л.Д. Гудков и др.).

Отечественное экспертное сообщество склоняется к мнению, что российская идентичность — многосоставная по содержанию, в ней наряду с государственно-гражданским, пространственным, морально-правовым компонентами присутствует историко-культурный компонент [11; 5]. Исходя из такого осмысления российской идентичности, этническая идентичность стихийно становится ее

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (с изменениями на 6 декабря 2018 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 15.07.2025).

неотъемлемой составляющей, так как историко-культурный компонент российской идентичности подкрепляется смыслами этнической идентичности, поддерживающей связь с «предками» и традицией, историческим прошлым, культурным и религиозным наследием, памятью.

В работах Центра исследования межнациональных отношений (ЦИМО) ИС ФНИСЦ РАН российская и этническая идентичности изучаются в *процессуальном ракурсе*, как текущее ощущение связи (общности, близости) с Россией, ее гражданами, россиянами, с людьми своей национальности², исследуется консолидирующий потенциал этих идентичностей. Используемое в статье понятие «*сдвоенная идентичность*» отражает эмпирически фиксируемое одновременное самоопределение респондентов как россиян и как представителей своего этнического сообщества (своей этнической группы).

Этническая и российская идентичности в массовых представлениях

В ходе исследований ЦИМО ИС ФНИСЦ РАН, в том числе качественных — интервью с экспертами, специалистами, представителями различных социальных групп (разных национальностей, в республиках и областях РФ), групповых дискуссий, — были выделены *базовые*, устойчивые идентификаторы для этнической и российской идентичностей, составляющие компоненты их структуры [9]. Структурными компонентами этнической идентичности выступают этнический язык и этническая культура, «своя» территория проживания, обычаи и обряды, религия, историческое прошлое, государственность (для республик Российской Федерации), внешний облик. Структурными компонентами российской идентичности — общие государственность и территория, русский язык и общероссийская культура, гражданская ответственность и общее историческое прошлое, объединяющие символы (см. табл. 1). Специфическими для этнической идентичности выступают компоненты, связанные с *традицией* (обычаи, обряды, религия), а для российской идентичности — связанные с *государством, гражданством, гражданскими установками и государственными символами*.

Если сопоставить иерархию наиболее популярных компонентов этнической и российской идентичностей, представленных в массовом сознании, то увидим, что в этнической идентичности лидирующими выступают этнический язык (68%), этническая культура (47%), этническая территория (44%), в российской — государство (58%), российская территория и русский язык (44% и 43% соответственно). Историческое прошлое набирает 26% в качестве компонента этнической идентичности и 32% в качестве компонента российской. Обращает внимание, что базовый общероссийский *гражданский* идентификатор — ответственность за судьбу страны — слабо представлен в массовом сознании (22%).

² Для изучения уровня этнической, российской и других макроидентичностей в Центре исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН применяется вопрос о том, как часто респондент испытывает общность, близость с людьми своей национальности (с гражданами России, россиянами). Вопрос был предложен социологами группы В.А. Ядова в 1990-х гг. для исследования макроидентичностей, пришедших на смену идентичности «советского человека». Ответ «часто» позволяет оценить долю респондентов с актуализированной идентичностью, а сумма ответов «часто» и «иногда» — общий уровень последней.

Таблица 1

Структурные компоненты этнической и российской идентичностей

(ответы ранжированы), 2020 г., % от числа опрошенных

Критерии объединения с общностью «люди моей национальности»		Критерии объединения с общностью «граждане РФ, россияне»	
Язык	68	Общее государство	58
Культура	47	Родная земля, территория, природа	44
Родная земля, территория, природа	44	Русский язык	43
Обычаи, обряды	34	Историческое прошлое	32
Историческое прошлое	26	Культура, обычаи, праздники	29
Общая государственность	16	Ответственность за судьбу страны	22
Религия	16	Общие символы	15
Внешний облик	9	Ничего не объединяет	3
Ничего не объединяет	2	Затруднились ответить	2
Затруднились ответить	2		

Очевидно, что в восприятии русских содержание их этнической и российской идентичностей взаимно пересекается: такие структурные компоненты *этнической* идентичности, как язык, территория, культура, государство (последний был выделен в качестве базового идентификатора в структуре этнической идентичности в ходе качественных исследований в республиках РФ), являются основой и *российской* идентичности. Поэтому российская идентичность русских неизбежно будет опираться на русскую этничность как источник этнокультурных смыслов и мотиваций. В благоприятных экономических, социальных, политических условиях этническая идентичность большинства (стихийно или в качестве социального проекта) может бесконфликтно включаться в содержание российской идентичности.

Соотношение уровня российской и этнической идентичностей в массовом сознании показывает динамику социальной консолидации с опорой на этнические и государственно-гражданские (политические) факторы. Динамика 2018–2024 гг. показывает рост этнической идентичности в сравнении с российской. В 2018 г. уровни российской и этнической идентичностей были сопоставимы (74% и 70% соответственно), их актуализация (доля ответивших, что они «часто» ощущают общность) также была сопоставимой (29% и 23% соответственно) (табл. 2).

Однако в условиях социальной турбулентности, инициированной пандемией и специальной военной операцией, уровень этнической идентичности плавно поднимался (с 70% в 2020 г. до 84% в 2024 г.) и стал опережать уровень российской идентичности, который остался стабильным (68%). В 2024 г. на фоне продолжающейся СВО наблюдалась резкая актуализация этнической идентичности: с 23% (в 2018 г.) до 34% (см. табл. 2).

Таблица 2

Уровни российской и этнической идентичностей,
2018, 2020, 2024 гг., % от числа опрошенных

Показатели российской и этнической идентичностей	Год		
	2018	2020	2024
Ощущают общность, близость с гражданами России			
Часто	29	16	18
Иногда	45	52	50
Общий уровень российской идентичности	74	68	68
Никогда	19	16	11
Затрудняюсь ответить	7	16	21
Ощущают общность, близость с людьми своей национальности			
Часто	23	34	34
Иногда	47	46	50
Общий уровень этнической идентичности	70	80	84
Никогда	21	10	5
Затрудняюсь ответить	9	10	11

Если рассматривать данные всероссийского репрезентативного опроса в контексте возможных проблем и вызовов, обусловленных российской многонациональностью, то важно подчеркнуть, что данные всероссийского опроса отражают преимущественно мнение этнического большинства. Исходя из этого можно с уверенностью констатировать, что в период 2018–2024 гг. произошел резкий рост русского этнического самосознания и сопряженных с ним установок этнической солидарности и этнополитической мобилизации. По результатам исследований 2015, 2020, 2024 гг., этническая солидарность (поддержка суждения «*в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности*») выросла с 72 до 81%. Этнополитическая мобилизация как *безусловная* готовность защищать интересы своего народа также показала стремительный рост — с 37 до 58% (табл. 3).

Рост этих показателей в 2024 г. обозначает тренд политизации этнического самосознания русского большинства (что не отменяет аналогичных процессов среди россиян других национальностей) и свидетельствует об активном участии этнической идентичности и солидарности в социальной консолидации в условиях СВО. Представляется, что пусковым механизмом для этого послужила концепция защиты Русского мира, которая стала идеологическим и мировоззренческим стержнем СВО и отчасти его политическим обоснованием. Концепция Русского мира стала звучать в дискурсе высшего руководства страны в середине первого десятилетия 2000-х гг., а при создании в соответствии с Указом Президента РФ от 21.06.2007 соответствующего Фонда институционально закрепились понятие Русского мира в контексте культурной политики и политики памяти, направленной на сохранение и поддержку в мире русской культуры и русского языка³. Вхождение этой

³ Официальный сайт Фонда «Русский мир». — URL: <https://russkiymir.ru/fund/> (дата обращения: 25.07.2025).

концепции в дискурс высшего политического руководства Российской Федерации естественным образом инициировало актуализацию исторического и этнического самосознания большинства россиян. Исследователи отмечают, что в условиях СВО «общество буквально мобилизовалось вокруг национальной памяти» [6, с. 13; 10], которая стала двигателем общероссийской консолидации.

Таблица 3

Установки этнической солидарности и этнополитической мобилизации,
2015, 2020, 2024 гг., % от числа опрошенных

В наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности			
Варианты ответов	Год		
	2015	2020	2024
Согласен	72	77	81
Не согласен	15	15	9
Затрудняюсь ответить	13	8	10
Все средства хороши для защиты интересов моего народа			
Согласен	—	37	58
Не согласен	—	46	23
Затрудняюсь ответить	—	17	19

Примечание. В таблице представлены данные, объединяющие ответы «полностью согласен» и «скорее согласен»; «скорее не согласен» и «не согласен».

Фиксируемый рост этнической идентичности, этнополитической мобилизации русского большинства ставит вопросы о том, какую роль будет играть актуализированная и политизированная русская этническая идентичность в текущих процессах нациестроительства, и о возможных моделях включения этнической идентичности в процессы общероссийской консолидации.

Этнополитические процессы России теснейшим образом связаны с перспективами ее территориальной целостности [8]. Усиление и ужесточение «этнических границ» могут стать вызовом для гармоничного развития единого мнгонационального российского государства, народа и гражданского общества. Очевидно, что в «русскости» находят для себя смысл не только конструктивные политические силы, нацеленные на поиск блага для России, но и маргинальные группы, способные взять эту тенденцию на вооружение для деструктивной деятельности и нелегитимных форм политической борьбы.

Не претендуя на окончательный ответ на поставленный выше важный вопрос, отметим, что многое определяется текущим *инклюзивным потенциалом* этнического самосознания русского большинства. *Кого, согласно массовым представлениям, можно считать русским?* Высокая мера инклюзивности категории «русский» как готовность принимать «в русские» людей других национальностей на основе культурных, гражданских, иных характеристик обеспечивает благоприятный и конструктивный исход наблюдаемого сегодня роста русского этнического самосознания.

Инклюзивный потенциал русской этнической идентичности

Специальная военная операция актуализировала в массовом сознании дискурс этнических различий. В социальных сетях и на уровне обыденных представлений военное противостояние России и Украины осмысливается как противостояние русских и украинцев (совсем недавно воспринимавшихся и специалистами, и массовым сознанием как две ветви единого этноса) и сопровождается жесткой политизацией слабых культурных различий, негативной этнической стереотипизацией, что может оказаться дестабилизирующим фактором для устойчивого межнационального консенсуса, сложившегося в России. Усиление русского этнического самосознания порождает «ответный всплеск» антирусской риторики в социальных сетях и медиа, обесценивание России и русских, распространение негативных этнических стереотипов. По данным социологических опросов 2025 г., «опрошенные все чаще допускают возможность столкновений на национальной почве: как в том месте, где они живут (15%, рост на 6 п. п. с июля 2017 г.), так и в России в целом (34%, рост на 15 п. п. с июля 2017 г.)»⁴.

С одной стороны, этническая идентичность формируется на основе *исключения* из категории «мы» людей других национальностей. С другой стороны, готовность «принять в русские» и расширить категорию «русские» на россиян других национальностей можно рассматривать как одну из возможных социокультурных предпосылок становления общероссийской общности и идентичности.

Текущий государственно-политический тренд трактовки «русскости», опирающийся на концепцию Русского мира, включает следующие основные пункты:

- позиционируется инклюзивность русской этничности: *«Русский — это больше, чем национальность»; «Русский мир объединяет всех, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителем русского языка, истории, культуры независимо даже от национальной или религиозной принадлежности»;*
- русским не воспрещается быть этнофорами: *«без русских как этноса, без русского народа нет и не может быть Русского мира и самой России. В этом утверждении нет какой-то претензии на превосходство, на исключительность, на избранность»;*
- инклюзивный потенциал «русскости» обеспечивается гражданскими ориентациями тех, кто хочет к ней присоединиться: *«Быть русским — это прежде всего ответственность... за сбережение России, именно в этом — истинный патриотизм»* — и общностью исторической судьбы на основе этнического многообразия: *в «многообразии культур, традиций, обычаев — наша сила, огромное конкурентное преимущество и потенциал»*⁵.

⁴ Официальный сайт Левада-Центра [признан иноагентом]. — URL: <https://www.levada.ru/2025/05/16/uroven-ksenofobii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti-otnoshenie-k-priezzhim-vozmozhnost-stolknovenij-na-natsionalnoj-pochve-aprel-2025/> (дата обращения: 05.07.2025).

⁵ Из выступления Президента РФ В.В. Путина на пленарной сессии Всемирного русского народного собора «Настоящее и будущее Русского мира» 28 ноября 2023 г. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863> (дата обращения 05.07.2025).

Идеи, представленные в государственно-политическом дискурсе, в целом созвучны массовым представлениям. Исходя из сопоставления данных всероссийских опросов 2015, 2020, 2024 гг. (табл. 4), можно уверенно утверждать, что *инклюзивность* русской этничности обеспечивается приобщенностью к русской культуре (53% в 2024 г.). Гражданские критерии — «кто честно трудится во благо России» (24%) и готовность принять в русские «любого гражданина России» (8%) — уступают признакам общности на основе русских языка и культуры, лояльности и происхождения. Рейтинг трех ведущих признаков «русскости» остается неизменным в 2015–2024 гг.: культура (53% в 2024 г.), происхождение (43%), русский язык (33%).

В период 2015–2024 гг. возросла значимость *самосознания* (с 22 до 34%), *лояльности* (с 22 до 34%), но также и *происхождения* (с 35 до 43%).

Таблица 4

Представления о том, кого можно считать русским,
2015, 2020, 2024 гг., % от числа опрошенных

Критерии принадлежности к категории «русские»	Год		
	2015	2020	2024
Для кого русский язык является родным	29	39	33
Кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры	50	48	53
Кто честно трудится во благо России	27	20	24
Кто русский по происхождению и по крови	35	41	43
Кто придерживается православной веры и ее традиций	10	15	14
Кто сам себя считает русским	22	28	34
Кто любит Россию	23	25	34
Любого гражданина РФ	8	9	8
Затруднились ответить	6	2	2

Примечание. Допускался выбор не более трех ответов.

Таким образом, высокий уровень этнической идентичности сочетается с *инклюзивностью* категории «русский» как общности, открытой к другим национальностям и формируемой на основе общей культуры (усвоения ее норм и ценностей). По трети россиян готовы считать русским того, кто знает русский язык, любит Россию и сам себя считает русским. При этом общность происхождения также остается весомым критерием «русскости», значимость которого с 2015 по 2024 г. выросла с 35 до 43%. В 2024 г. *русский язык*, *самосознание* и *лояльность к России* становятся одинаково значимыми характеристиками (33–34%).

Очевидно, что в современных условиях в Российской Федерации русская этническая идентичность не может заменить российскую гражданскую идентичность. Но в своем инклюзивном качестве она может служить базовой межэтнической основой общероссийского единства, социокультурной предпосылкой для становления российской нации. Главное, что обеспечивает эту инклюзивность: готовность считать русскими тех, кто ориентирован на русскую культурную традицию, лоялен к России, хочет и готов считать себя русским.

Интегрирование этнического измерения в «ткань» общероссийского национального самосознания возможно не только за счет расширения инклюзивного потенциала русской этничности, но и на базе бинарной идентитарной модели, то есть когда и российская, и этническая идентичности полноправно присутствуют в его структуре в качестве опорных элементов.

Консолидирующий потенциал сдвоенной идентичности

О непротиворечивом соединении российской и этнической идентичностей говорили многие исследователи (В.А. Тишков, М.К. Горшков, Л.М. Дробижева, Н.М. Лебедева, Э.А. Паин и др.), подтверждая тезис, что в формирование современных политических наций вовлекаются этнические и этнолингвистические основания солидарности (Э. Смит, Э. Хобсбаум).

Сдвоенная идентичность (и российская, и этническая) обладает глубоким и широким потенциалом консолидации, поскольку связывает два наиболее значимых «объекта» идентификации — Россию (и ее граждан) и сообщество «люди моей национальности», объединяя лояльность к государству, гражданству и российскому обществу с лояльностью к традициям и истории «своего» этнического сообщества (народа). Обе идентичности — как русских, так и представителей иных российских национальностей — опираются на исторически преемственную память российского государства, российскую репрезентативную культуру, схожие ценности.

Динамика субъективного соотношения этих идентичностей и определение их «веса» в массовом сознании служат хорошим индикатором характера текущих процессов внутрироссийской консолидации (на основе преимущественно этнокультурных или преимущественно государственно-политических ресурсов). Инструментарий, разработанный в ЦИМО ИС ФНИСЦ РАН⁶, позволяет зафиксировать на массовом уровне предпочтительный выбор одной из этих идентичностей или сдвоенной (одновременно и российской, и этнической) идентичности, выделить доли тех, которые:

- предпочитают этническую идентичность (чувствуют себя *скорее людьми своей национальности*);
- предпочитают российскую идентичность (чувствуют себя *скорее россиянами*);
- предпочитают сдвоенную идентичность (чувствуют себя *и тем и другим в равной мере*).

Исследование 2024 г. показывает, что *сдвоенная* (одновременно и российская, и этническая (37%) и *преимущественно российская* (35%) идентичности более популярны, чем *преимущественно этническая* идентичность (21%). Суммарная доля тех, кто обладает сдвоенной и преимущественно российской идентичностями, составляет 72%. Не ощущают себя ни россиянами, ни людьми своей национальности 3% опрошенных (и 5% затруднились ответить). Эта конфигурация устойчиво воспроизводится в исследованиях 2017 и 2024 гг. (табл. 5).

⁶ Задавался вопрос: «Кем Вы себя чувствуете в большей мере? (Дайте один ответ)». Варианты ответов: «Скорее человеком своей национальности», «Скорее россиянином», «И тем и другим в равной мере», «Ни тем ни другим», «Затрудняюсь ответить».

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя чувствуете в большей мере?», 2017, 2024 гг., % от числа опрошенных

Чувствуют себя...	Год	
	2017	2024
Скорее человеком своей национальности	18	21
Скорее россиянином	33	35
И тем и другим в равной мере	34	37
Ни тем ни другим	5	3
Затруднились ответить	10	5

Согласно полученным данным, сдвоенная (одновременно и российская, и этническая) и преимущественно российская идентичности в сравнении с преимущественно этнической проявляют себя как более ресурсные. Среди обладателей сдвоенной и преимущественно российской идентичностей подавляющее большинство (85% и 82% соответственно) оптимистично оценивают перспективы развития России, соглашаясь с мнением, что *«путь, по которому идет сейчас Россия, даст в перспективе положительные результаты»*. Предпочтение этнической идентичности (ощущение себя «скорее человеком своей национальности»), напротив, выступает как тормозящий фактор в этом контексте — среди ее обладателей доля оптимистично оценивающих перспективы развития России существенно ниже (66%) (табл. 6).

Таблица 6

Представления о России и чувства к России

в зависимости от предпочитаемой идентичности, 2024 г., % от числа опрошенных

Представления и чувства	Предпочитают этническую идентичность	Предпочитают российскую идентичность	Предпочитают сдвоенную идентичность	Другие	В целом в России
Оценка перспектив развития России					
Путь, по которому идет сейчас Россия, даст в перспективе положительные результаты	66	82	85	58	78
Путь, по которому идет сейчас Россия, ведет страну в тупик	33	18	14	41	21
Этнический эгоизм vs этнополитическая интеграция					
Главное — это обеспечение интересов людей моей национальности	39	23	21	32	26
Главное — это обеспечение интересов всех жителей России, страны в целом	61	76	79	65	73

Продолжение таблицы 6

Представления и чувства	Предпочитают этническую идентичность	Предпочитают российскую идентичность	Предпочитают сдвоенную идентичность	Другие	В целом в России
Чувства к России					
Любовь	41	46	50	26	45
Гордость	45	54	57	27	51
Уважение	56	62	66	37	61
Равнодушие	8	6	4	20	7
Обида, стыд	16	11	9	27	12
Возмущение	12	8	8	18	10

Примечание. В категорию «другие» вошли респонденты, выбравшие позиции «ни тем ни другим» и «затрудняюсь ответить».

Особенно заметен «сдерживающий» эффект преимущественно этнической идентичности в переживании позитивных чувств к России. Чувства любви, гордости и уважения к своей стране выше среди тех, кто обладает преимущественно российской и сдвоенной идентичностями, чем среди обладающих преимущественно этнической. Последняя также способствует «этническому эгоизму», нацеленному на обеспечение в первую очередь интересов людей своей национальности, а не всех жителей России и страны в целом. Соответственно, установки межэтнической интеграции как готовность учитывать *интересы* людей всех национальностей России значимо выше среди обладателей сдвоенной и преимущественно российской идентичностей (79% и 76% против 61% среди предпочитающих этническую идентичность) (см. табл. 6). Сдвоенная идентичность содействует межэтнической толерантности — среди ее обладателей 71% не испытывают неприязни к людям других национальностей (среди предпочитающих этническую идентичность — 60%, среди предпочитающих российскую — 63%).

Преимущественно этническая идентичность в сравнении со сдвоенной и преимущественно российской представляет риск для социальной консолидации, так как сдерживает установки этнополитического равенства российских народов на основе принципов политико-гражданского равноправия и справедливости. Среди ее обладателей получает наивысшую поддержку суждение о приоритете прав русских в многонациональном государстве (достигает 40%), в то время как среди предпочитающих сдвоенную и российскую идентичности — 28% и 29% соответственно (табл. 7). Среди обладателей сдвоенной идентичности *равноправный статус* всех народов в России поддерживают 56%, среди предпочитающих российскую — 51%, среди предпочитающих этническую идентичность — 39%.

Таблица 7

Этнополитические ориентации в зависимости от предпочитаемой идентичности,
2024 г., % от числа опрошенных

Представления о том, каким государством должна быть Россия	Предпочитают этническую идентичность	Предпочитают российскую идентичность	Предпочитают сдвоенную идентичность	Другие	В целом в России
Россия должна быть государством русских людей	17	14	10	5	13
Россия — многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны	40	29	28	24	30
Россия — общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	39	51	56	34	49
Затруднились ответить	5	7	6	20	7

Примечание. В категорию «другие» вошли респонденты, выбравшие позиции «ни тем ни другим» и «затрудняюсь ответить».

Как показывают исследования, сдвоенная российско-этническая идентичность — более ресурсная и устойчивая конфигурация консолидирующей идентичности для России. Свободное и «творческое» сосуществование российской и этнической идентичностей (их компонентов, измерений, характеристик, смыслов и т. д.) возможно «под крышей» *национального* (общероссийского) *самосознания*, которое предоставляет устойчивую теоретическую рамку и социальное «пространство» для снижения их конкурентности и, как следствие, для формирования взаимно обогащающих и слабokonфликтных стратегий их взаимодействия.

Обсуждение результатов и выводы

Сопоставимо высокий уровень российской и этнической идентичностей, их равновеликий статус свидетельствуют о том, что процессы нациестроительства в России протекают достаточно активно. Фокус исследования, направленный на изучение взаимосвязи и взаимовлияния этих ведущих макроидентичностей проблематизирует фундаментальный вопрос российского нациестроительства: конкурирование этнонациональных и государственно-гражданских политических

моделей консолидации. Развивая идеи Э. Геллнера, который говорил о том, что нации порождаются мобилизованным национальным самосознанием (национальной идеей) [1], сформулируем актуальный вопрос: какая идея сформирует политическую нацию в России — этническая русская или полиэтническая российская? Отталкиваясь от данных проведенных исследований, можно с известной долей уверенности утверждать, что обе стратегии участвуют в этом процессе, они взаимозависимы и взаимно поддерживают друг друга. В условиях внешних вызовов и угроз этническая идентичность оказывается более значимой, поскольку она плотнее связана с повседневностью и апеллирует к глубоко укорененным традиционно-культурным основаниям социальной консолидации.

Понимание национального (общероссийского) самосознания как феномена, сопровождающего становление российской политической нации, перекликается с расширенным толкованием концепта национальной идентичности (Л.М. Дробижева, И.А. Семененко В.А. Тишков и др.). Однако понятие национального самосознания имеет значительно больший эвристический потенциал. Согласно классическим подходам (Л.С. Выготский, С. Московичи, В.А. Ядов), самосознание представляет собой *рефлексию*, оно формируется на основе осмысления пережитого опыта, осознаваемых итогов и целей развития субъекта (в том числе коллективного), направляющих идей и ценностей. Как коллективная «Мы-концепция» национальное самосознание формируется на основе объединяющих смыслов, интересов и представлений о будущем, сопровождающих становление национального государства. Оно строится на основе *многосоставной идентитарной модели* (матрицы идентичностей), где наряду с российской и этнической идентичностями присутствуют иные фундаментальные (культурная, гражданская, цивилизационная и др.) идентичности, которые придают самосознанию глубину и масштаб, так как опираются на бессознательные компоненты, включая мифы.

Дж. Хоскинг отмечал, что Россия наследует две исторические формы «русскости»: этническую на основе русского языка и имперскую многоязычную, связанную с расширением территории и мультиэтничностью. Он делал вывод, что эта амбивалентность выступает *тормозом* для формирования российской политической нации на основе этничности большинства [13]. В качестве контраргумента можно отметить, что позитивные модели включения этнической идентичности в процессы нациестроительства возможны через усиление инклюзивного потенциала русской этничности (восприятие «русских» как открытого сообщества, к которому при желании можно присоединиться на основе приобщения к русской культуре и лояльности к России) и сдвоенной (одновременно и российской, и этнической) идентичности. Риском для этих процессов выступают *эксклюзивная политизация* русской идентичности, претензии на доминирующую политическую роль русских в государстве, которые подвергают сомнению политическую равноправность российских народов в социальном пространстве полиэтнической России.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыжова Светлана Валентиновна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр исследования межнациональных отношений, Институт социологии ФНИСЦ РАН (ИС ФНИСЦ РАН). **Телефон:** +7 (495) 128-56-51. **Электронная почта:** Silica2@yandex.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 69–86. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.4](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.4)

Research Article

SVETLANA V. RYZHOVA¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

bl. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation.

ALL-RUSSIAN AND ETHNIC IDENTITIES:

THE CONSOLIDATION POTENTIAL OF A DUAL IDENTITY

Abstract. Based on data from the general sociological survey of the population of the Russian Federation conducted in 2024 (also used were survey data from the Institute of Sociology of FCTAS RAS for 2015, 2017, and 2018, 2020), the dynamics of all-Russian and ethnic identities, attitudes towards ethnic solidarity and ethno-political mobilization are studied. We investigate the consolidating potential of a dual identity (both all-Russian and ethnic) and the inclusive potential of the Russian ethnic identity. The concept of “dual identity” used in this article reflects the empirically registered self-determination of respondents simultaneously as all-Russians (citizens of Russia) and representatives of their ethnic group. The Russian ethnic identity is becoming more prevalent given the introduction of the concept of the “Russian World” into the discourse of top-level political leadership, accompanied by the simultaneous expansion of the inclusive potential of the category “ethnic Russians”. The article concludes that positive models for including ethnic identity in national building processes are made feasible through strengthening the inclusive potential of the Russian ethnicity (perceiving “Russians” as an open and attractive community which one can join if desired) and encouraging the formation of dual (both all-Russian and ethnic) identity. These empirical studies allow us to conclude that dual identity manifests itself more resourcefully in the context of maintaining social unity compared to predominantly ethnic identity. There are risks that come from the politicalization of Russian ethnic identity and the claim to the dominant political role of Russians in the state, which casts doubt on the political equality of peoples in multi-ethnic Russia’s social space.

Keywords: all-Russian identity; ethnic identity; national all-Russian self-awareness; Russians; Russian ethnic identity; dual all-Russian as well as ethnic identity.

For citation: Ryzhova, S.V. All-Russian and Ethnic Identities: the Consolidation Potential of a Dual Identity. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 69–86. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.4.4](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.4.4)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Ryzhova — Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Fellow, Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (495) 128-56-51. **Email:** Silica2@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991. — 320 с.
Gellner E. *Nations and Nationalism*. Transl. from Eng. by T. Berdikova, M. Tyunkina. Moscow: Progress publ., 1991. 320 p. (In Russ.)

2. Гофман А.Б. Концептуальные подходы к анализу социального единства // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 29–36. EDN: [VBZYRL](#)
Hoffman A.B. Conceptual approaches to the analysis of social unity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 11. P. 29–36. (In Russ.)
3. Гудков Л.Д.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, ВЦИОМ-А, 2004. — 816 с.
Gudkov L.D. *Negative identity. Articles of 1997–2002*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., VCIOM-A publ., 2004. 816 p. (In Russ.)
4. Дробизева Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100–115. DOI: [10.17976/jpps/2018.05.09](#) EDN: [YAEHZR](#)
Drobizheva L.M. Russian identity: discussions in the political space and the dynamics of mass consciousness. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. 2018. No. 5. P. 100–115. DOI: [10.17976/jpps/2018.05.09](#) (In Russ.)
5. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017. — 992 с.
Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic publication. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves' Mir publ. 992 p. (In Russ.)
6. Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 6–27. EDN: [HSODYX](#)
Karl T.L., Schmitter Ph. Concepts, Assumptions and Hypotheses About Democratization (Reflections on Applicability of the Transitological Paradigm for the Study of Post-Communist Transformations). *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. 2004. No. 4. P. 6–27 (In Russ.)
7. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение. Институт философии РАН. 2014. — 232 с.
Malakhov V.S. *Cultural differences and political boundaries in the era of global migration*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences publ., 2014. 232 p. (In Russ.)
8. Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия». 2003. — 158 с. EDN: [QOTWLR](#)
Pain E.A. *Between an Empire and a nation. The modernist project and its traditionalist alternative in Russian national politics*. Moscow: Fond “Liberal mission” publ., 2003. 158 p. (In Russ.)
9. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. — 288 с. DOI: [10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021](#) EDN: [AOEBHB](#)
The Substantive Foundations of Russian Identity. Regional and Ethno-Cultural Contexts. Moscow: FCTAS RAS publ., 2021. 288 p. DOI: [10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021](#) (In Russ.)
10. «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / ФНИСЦ РАН, Институт социологии; Под ред. М.К. Горшкова. Москва: Весь Мир, 2024. — 308 с.

* Внесен Минюстом РФ в реестр иноагентов.

The “Arrow of Time” in the mass consciousness of Russians: assessments of the past, judgments about the present, ideas about the future. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Ves’ Mir publ., 2024. 308 p. (In Russ.)

11. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. — 544 с.
Tishkov V.A. *Requiem for ethnos. Research on socio-cultural anthropology.* Moscow: Nauka publ., 2003. 544 p. (In Russ.)
12. Холодковский К.Г. Российская идентичность: исторический путь // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017. С. 256–162. EDN: [NVLOJJ](#)
Kholodkovskiy K.G. Russian identity: the historical path. *Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic publication.* Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves’ Mir publ., 2017. P. 157–162. (In Russ.)
13. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск: Русич, 2000. — 512 с.
Hosking G. *Russia: People and Emperia (1552–1917).* Transl. from Eng. by S. Samuilov. Smolensk: Rusich publ., 2000. 512 p. (In Russ.)
14. Tejfell H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. *Psychology of Intergroup Relations.* Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

Статья поступила в редакцию: 06.08.2025; поступила после рецензирования и доработки: 08.11.2025; принята к публикации: 11.11.2025.

Received: 06.08.2025; revised after review: 08.11.2025; accepted for publication: 11.11.2025.